

**Александр Кравецкий**
ИСТИННЫЙ ДРУГ ПЕРЕВОДЧИКА

О. А. Седакова. Церковнославянско-русские паронимы: Материалы к словарю.

М.: Греко-латинский кабинет

Ю. А. Шичалина, 2005. 430 с.

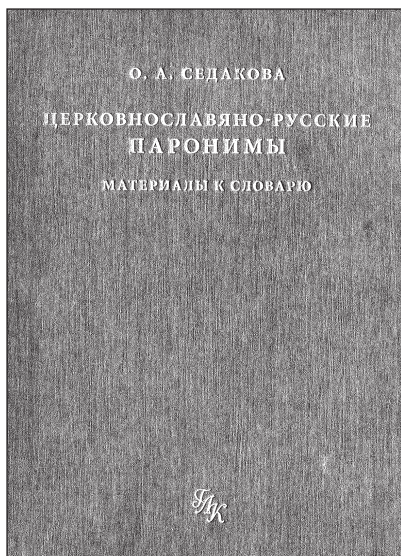
Любителей читать словари не так уж много. Однако вышедший весной этого года словарь О. А. Седаковой будут с удовольствием читать не только лингвисты или, скажем, преподаватели церковнославянского языка. Дело в том, что этот словарь толкует те церковнославянские слова, пониманию которых знание русского языка не помогает, а мешает. Они в изобилии встречаются не только в богослужебных текстах, но и в русской классической литературе. Например, слово *язык* в пушкинском «Памятнике» употреблено в значении 'народ' («и назовет меня всяк сущий в ней язык»). В русском этого значения нет. Но в церковнославянском тексте различению смыслов помогла бы орфография, поскольку в значении 'народ' это слово пишется с начальным йотированным «а», а в значениях 'наречие; орган речи' — с начальным малым юсом. А вот у носителя современного русского языка может возникнуть соблазн неправильного прочтения.

Такие ошибки, спрощенные современные словоупотреблением, при чтении богослужебных текстов возникают очень часто и имеют характер вполне анекдотический. Например, известный стих Псалтири (24.15) «Очи мои выну ко Господу» носитель русского языка склонен понимать в том смысле, что глаза следует каким-то непонятным образом вынуть, хотя на самом деле *выну* — это не глагол, а наречие

«всегда». Рассказывают даже анекдот про икону «Очи мои выну ко Господу», на которой изображен грешник, держащий в руках собственные глаза. Другой пример: у многих вызывают недоумение слова апостола Павла: «Гони же правду, благочестие, веру, любовь и терпение» (1 Тим. 6.11), между тем они содержат призыв *следовать* этим добродетелям, а не гнать их. Курьезных примеров можно привести множество¹.

Остается только удивляться, что такой нужный словарь увидел свет лишь сейчас, в 2005 году². Наконец-то появилась книга о церковнославянском языке, в которой описывается не его формальный строй, не отличие аориста от имперфекта, а *семантика*, значение церковнославянского слова. И это при том, что проблема «ложных друзей переводчика» с церковнославянского на русский была осознана уже очень давно. Еще в 1891 году замечательный ориенталист и педагог Н. И. Ильминский составил маленький, менее десяти страниц, учебный словарик, который назывался «Слова, по своему составу и корню тождественные с русскими, но в древнеславянском языке имеющие другое значение»³. К сожалению, продолжения этот опыт не имел.

В 1907 году, когда при Синоде стала работать Комиссия по исправлению богослужебных книг (ее возглавил архиепископ Сергей (Страгородский), будущий патриарх), синодальные редакторы довольно последовательно заменяли слова, которые могли быть неправильно поняты из-за ложной «подсказки» родного языка. Приведем только один пример. Справщики начала XX века исключили из текстов, посвященных Богородице, слово *доити*. В церковнославянском языке это слово



¹ См.: *Михаил Ардов, протоиерей*. Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни. (Картинки с натуры). М., 1995. С. 123–136.

² Первый вариант словаря печатался в журнале «Славяноведение» (1992. № 2. С. 95–111; № 6. С. 78–97; 1993. № 1. С. 98–112; № 2. С. 117–123; № 4. С. 99–105; 1994. № 1. С. 83–103; № 3. С. 108–122; 1995. № 2. С. 84–91).

³ См.: *Ильминский, Н.* Обучение церковнославянской грамоте в церковно-приходских и реальных училищах. Кн. 1. СПб., 1891. С. 77–85.

значит 'кормить грудным молоком', однако в русском языке слово *доить* значит 'выцеживать молоко из вымени у кого-либо' и указывает на то, что действие производится над объектом. И хотя с точки зрения церковнославянского языка употребление слова *доити* вполне нормально, справщики, чтобы не смущать прихожан, исправляли *доющая* на *млеко питающая*⁴.

Если редакторы богослужебных текстов старались бороться с подобными семантическими ловушками, то лексикографы оставляли эту проблему вне поля зрения. Ничего удивительного: составление полного словаря церковнославянского-русских паронимов — задача, строго говоря, совершенно невыполнимая. Объяснений этому много, и главное из них состоит в том, что сам процесс вычленения «ложных друзей переводчика» из огромного корпуса церковнославянской лексики не поддается формализации. Единственным инструментом здесь оказывается языковое чутье составителя. А составитель, как и обычный читатель, рискует не заметить, что некоторые церковнославянские слова отличаются по значению от сходных с ними русских. Поэтому список таких слов никогда не будет, с одной стороны, исчерпывающим, а с другой — бесспорным.

Но это не все. Еще одна трудность заключается в том, что точно установить значения церковнославянских слов почти невозможно. При подготовке больших академических словарей на предварительном этапе составляют картотеку, вычленив контексты, в которые входят включенные в словарь слова. Однако для корпуса богослужебных книг такая работа пока не была сделана, и составителю словаря поневоле приходится пользоваться очень ограниченным набором контекстов. Пожалуй, задача несколько облегчается тем, что существенная часть церковнославянских текстов является переводом с греческого, поэтому можно, отыскав греческое соответствие, установить значение того или иного церковнославянского слова. Но все-таки мы не имеем никакого права утверждать, что славянское слово всегда в точности воспроизводит значение греческого. А определять значение на основе большого количества контекстов невозможно практически, поскольку полные словари составлены лишь для библейского текста.

И, наконец, составителю надо было решить, как отбирать произведения, язык которых должен описываться в словаре подоб-

ного рода. Ведь тексты богослужебных книг, которыми мы пользуемся сегодня, несколько отличаются от тех, по которым отправляли службу в XVII веке, не говоря уж о рукописных текстах, в которых представлено значительно больше вариантов. Но даже если ориентироваться исключительно на современные канонические редакции (О. А. Седакова пошла именно по этому пути), то приходится иметь дело с текстами, составленными или отредактированными в разные эпохи, а в разное время при издании богослужебной литературы редакторы руководствовались разными принципами. Иногда они стремились сделать текст более понятным, а иногда исходили из того, что главное — следовать оригиналу, даже если он не очень вразумителен. Мы не знаем истории многих текстов, входящих в богослужебные книги, поэтому составителю любого словаря заведомо придется иметь дело с примерами, относящимися к разным этапам истории церковнославянского языка.

Сказанного вполне достаточно, чтобы понять: перед О. А. Седаковой стояла абсолютно нестандартная и почти невыполнимая задача. Поэтому она избрала совершенно оригинальный метод работы над словарем. Сначала при сплошном чтении Библии и богослужебных текстов фиксировались те случаи, когда русский язык подсказывает читателю неправильное понимание церковнославянских текстов. На этом этапе, как уже говорилось, составитель мог руководствоваться только своей языковой интуицией. А затем, когда первоначальная картотека была составлена, началась кропотливая проверка значений слов по греческому тексту, переводам и словарям. Так что импрессионистский способ сбора материала сочетался с достаточно тщательной и кропотливой его обработкой.

Отсутствие формальных критериев при составлении словника, конечно же, делает словарь весьма уязвимым для критики. Например, можно не соглашаться с включением в него ряда слов, активно используемых в русском библейском тексте. Не особенно понятно, чем значение слова *мытарь* в церковнославянском языке отличается от значения этого слова в русском. А если привлекать материал русских диалектов, то выяснится, что многие диалектные значения полностью совпадают с церковнославянскими, потому включать в словарь слово *баба* в значении 'повивальная бабка' вроде бы тоже обязательно. Таких небесспорных примеров можно

⁴ О деятельности этой комиссии см.: *Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX—XX в.). М., 2001. С. 74—124; *Прот. Николай Балашов.* На пути к литургическому возрождению. М., 2001. С. 194—258.

набрать довольно много. Но свидетельствуют они лишь о том, что провести отчетливую границу между церковнославянским и русским языками невозможно, поскольку русский язык вобрал в себя огромный пласт церковнославянской лексики. Именно поэтому просто подряд читать этот словарь — увлекательное занятие. Даже для тех, кого не особенно волнует проблема понятности православного богослужения, он будет полезен как справочник при чтении русской литературы XIX века. Возьмем, например, пушкинский стих «Твое имение сполна в казну поступит войсковую». У современного человека создается впечатление, что речь идет о конфискации земли, поскольку для нас слово *имение* означает ‘земельное владение, поместье’. Но Пушкин употребляет его здесь в церковнославянском значении ‘деньги, имущество’. Или другой пример. Читая в словаре Брокгауза и Ефрона статью, посвященную истории пыток в России, натываешься на такое описание: «В первой половине XVIII в. вошли в употребление некоторые приемы, по-видимому, заимствованные с запада; так, например, большие пальцы рук и ног допрашиваемого заворачивались в железные тиски или на голову допрашиваемого накладывали веревку и, “просунув кляп”, поворачивали его, скручивая веревку, от чего, по выражению одного официального документа, допрашиваемый “весьма изумленным бывает”». Прочитав это, носитель современного русского языка попытается представить себе какое-то особое выражение лица, например вылезшие из орбит глаза. На самом же деле мы здесь снова встречаем славянское значение. Открыв словарь О. А. Седаковой, узнаем, что в церковнославянском *изумление* значит ‘безумие’. Поскольку авторы классической

энциклопедии не сочли необходимым объяснять своим читателям, что «быть весьма изумленным» означает ‘сойти с ума’, можно предположить, что они считали это значение общеизвестным.

Так при чтении словаря мы постоянно делаем маленькие открытия. А поскольку каждая словарная статья снабжена большим количеством иллюстраций — церковнославянских цитат, которые приведены с русскими переводами и греческими параллелями, читатель может проследить за работой, которая сделана составителем. Особое удовольствие доставляет чтение переводов. Автор называет их «неловкими» и говорит о своем стремлении «дать по возможности буквальный, подсобный перевод, не претендующий на литературное достоинство», но именно этот служебный характер превращает выполненные О. А. Седаковой переводы в изысканную литературную игру. Каждый из них как бы указывает тропинку, которая помогает благополучно миновать семантические ловушки.

Нет никакого сомнения в том, что словарь будет чрезвычайно полезен преподавателям церковнославянского языка. Так, в подготовленное нами второе издание учебника церковнославянского языка⁵ вошли упражнения на семантику, составленные на основе журнального варианта этого словаря.

Открывая словарь, над которым более десяти лет трудился замечательный поэт, читатель может ожидать литературной игры, очередного «романа-словаря». Однако вскоре, прочитав несколько страниц, будет восхищен качественной работой филолога и не сможет не порадоваться тому, что эти две стороны таланта О. А. Седаковой так ярко отразились в одной книге.

⁵ Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. Церковнославянский язык. М., 2001. С. 157–180.